

В марте Рига простилась с Маргером Заринем. 82-х летний Мастер, член четырех творческих союзов и никакой партии, как в шутку говорили друзья, навсегда покинул любимый город, в котором прошла вся долгая, сложная и богатая событиями жизнь. Покинул, чтобы, согласно собственной воле, обрести вечный покой в родном Цесисе, тихом городке из красивейших провинций Латвии. В те же родные края — в музей Яунпиебалги — он завещал передать все свои рукописи.

Почти неделю после смерти — с 27 февраля — продолжалось это прощание. И символично, что оно состоялось в старых стенах театра “Дайлес”, того самого, на улице Лачплеша, с которого когда-то давно, в 1940 году началась жизнь Зариня в искусстве. Это потом молодой музыкальный руководитель и дирижер Художественного (по-латышски — Dailis) театра станет известным композитором, народным артистом Республики и Советского Союза, кавале-

ром нескольких орденов, а еще позднее — самобытным писателем, чьи труды будут много публиковаться, переводиться на другие языки... А тогда приход в театр был счастливым поворотом судьбы, и десять лет работы в нем сделали Зариня не только страстным поклонником, но и подлинным знатоком театрального дела.

Театр как храм искусства и театр как художественный жанр озарял своим ярким светом всю творческую жизнь Мастера. Наряду с музыкой к драматическим спектаклям и фильмам, он написал несколько оперных произведений. До сих пор помнится сколь неожиданно воспринималось “Чудо Св. Маврикия” (1974) — опера-балет, а точнее озорное музыкальное представление с придуманным самим композитором сюжетом из времен реформаторских волнений, сотрясавших Ригу в XVI веке. В спектакле реальные схватки жизни и “святые чудеса” сплетены бурной фантазией автора в веселый, замысловатый клубок. Потом в литературном труде “Мистерии и хеппенинги” он заметит: “В каждом человеке наверняка сидит чертенок, толкающий что-то изображать, представлять, все мы наполнены радостью игры”...

“Партита в стиле барокко” или “Carmina antica”, “Песни Билитис” или “Махагони”, “Чудесные приключения Старого Тайзеля” или “Японские миниатюры” на слова Басе — все это и музыка, и звукозапись, и колоритные зарисовки, моментами подлинно зрелищные.

Одной из важнейших составляющих его творческого мира стала история. Через призму его литературно-исторических эссе, романов, воспоминаний во многом по-новому воспринялось и собственно музыкальное творчество пред-

шествующих лет, особенно то “движение во времени” или “столкновение времен”, к которому тяготеет его музыкальная стилистика.

Зариня волновала история родного города и родной культуры (в свое время, например, он исколесил всю Латвию в поисках уцелевших старинных органов и собрал материал значительной научной ценности о времени создания и мастерах), жизненные перипетии затерянных в тумане прошлого человеческих судеб. “Работая с историческим материалом, — читаем у него, — пытаюсь связать прошедшее с современным. Это приходится делать в условной форме, потому не обхожусь без фантастических, порой абсурдных ситуаций”.

Однако, куда бы ни влекло воображение и что бы он ни делал, Заринь всегда оставался верен себе: рядом с поиском разнообразия, многократными начинаниями с нуля — твердостью принципов, даже педантичностью, рядом с бросками в новое, неизведанное — особое пристрастие к старине. И неизменное чувство юмора, ироничное и оптимистическое мировосприятие, питавшее художника и тех, кто оказывался рядом, на всем его жизненном и творческом пути.

“Литература и музыка для меня — как два аккумулятора. В то время как разряжается один из них, другой, наоборот, подзаряжается. Когда не пишется музыка, с увлечением сочиняю прозу. А только окончен роман — чувствую, что пришло время вернуться к композиции. Так что будем считать, что мой мотор работает на двух аккумуляторах”... Сказанному — около двадцати лет. И на сегодня этот прекрасный мотор, увы, исчерпал свой ресурс... Но осталась память друзей и приверженцев, музыкальные и литературные произведения.

Татьяна КУРЫШЕВА